

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ПЕРИФЕРИИ ФСП АСПЕКТУАЛЬНОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОППОЗИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЕГО ОБЩЕКТЕГОРИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ И СОВОКУПНОСТЬЮ ЕГО ВАРИАНТНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Л. Т. КАЛАБЕКОВА

Контрастивная лингвистика, которая по справедливости считается одним из наиболее молодых направлений в современном языкознании, восходит к древнейшим заботам языковедов. Сопоставление языков, лежащее в основе «контрастивных штудий», – явление столь же древнее, сколь и само изучение языка. Любые грамматики изучаемого иностранного языка, да и многие грамматики родного языка писались на фоне сравнения (осознанного или же бессознательного) с каким-либо другим языком, – родным в первом случае или более престижным языком иной культуры, – во втором [1, 5-6]. Примером высокой целесообразности применения контрастивного метода может послужить давно установленный факт, что именно французскому языку осетинский обязан тем, что в нем стали изучать фразовое ударение (вопрос о характере ударения в осетинском языке долгое время оставался открытым). Известно, что ударение в осетинском языке обычно получают не отдельные слова, как, например, в русском, а группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое. Разница между осетинским и французским языками состоит в том, что во французском языке расстановка ритмических ударений нюансирует смысл речи, в осетинском языке ритмическое членение определяет не только нюансы, но полностью меняет асертивную направленность предложения. Сравним: *bæx næ qæwu táx* – лошадь нужна нам; *bæx næ qæwu tax* – лошадь не нужна нам [2, 558-559].

В рамках предлагаемой статьи делается попытка проанализировать воздействие периферийных компонентов функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности на конкретно слагающиеся категориальные значения формального выражения вида в трех языковых системах. Материал французского языка выступает в работе как основа анализа. В целях же сравнения привлечены факты таких индоевропейских языков, как русский и осетинский. Авторская теоретическая позиция по затронутой проблематике строится на понимании того, что во французской лингвокультуре ядром ФСП аспектуальности выступает морфологическая категория *вида*, принимающая облик оппозиции времен *imparfait/passé simple (Imp/PS)*, периферию составляют лексические, лексико-синтаксические и морфологические элементы. Говоря о содержательной стороне видовой корреляции *Imp/PS*, равным образом как и граммем СВ/НСВ в русском и осетинском языках, то в качестве категориальной смысловой доминанты во всех трех исследуемых языках выступает противопоставление признаков *целостности/процессности* глагольного действия.

В силу того непреложного факта, что семантическое значение ядерной оппозиции всегда однозначно, вполне оправданным становится интерес не просто к изучению семантической составляющей данной модели, а представляется целесообразным провести исследование видовой оппозиции сквозь призму семантической значимости компонентов периферии. И все дело

в том, что эти последние включают в свою активность гораздо большее количество языковых средств, делая периферию поля аспектуальности семантически гораздо более насыщенной и разнообразной, чем ядерная корреляция.

Доминирующая значимость категории предельности/непредельности глагольного действия, в которой мы видим лингвистическую универсалию, свойственную практически всем естественным языкам [3, 5], определила характер проведенного анализа. Так, в частности, разбор языкового материала высветил давно устоявшийся факт о функциональной равнозначности французского PS, русского и осетинского СВ при предельных глаголах, а также французского имперфекта, русского и осетинского НСВ при непредельных глаголах, когда потенциальные возможности исходной лексемы реализованы наиболее адекватно. Вместе с тем, несколько иная ситуация складывается с появлением в тексте французского стилистического имперфекта как особого случая в употреблении *imparfait narratif*, когда последний не укладывается в привычные рамки его текстового использования и выполняет функцию *passé simple* приводя, таким образом, к асимметрии формы и содержания и порождая тот стилистический эффект, о котором пишут исследователи грамматики и стилистики французского языка.

Imparfait stylistique – это ситуативная категория, актуализация которой в дискурсивных стратегиях хотя и регулируется комплексом системно закрепленных правил¹, все-таки не может считаться процессом логического и функционального уподобления. *Imparfait stylistique* требует особых условий для поддержания своей жизнеспособности и сохранения своего основного назначения. Искомая форма не может быть полностью автономной, поскольку вне временных конкретизаторов

¹ Стилистический эффект возникает, как правило, при наличии двух составляющих: 1) отнесенность глагольной лексемы к разряду глаголов предельных и 2) точное указание на момент протекания процесса.

(*Huit jours plus tard elle mourait...*) [4, 160] или же вне контекста временной денотации стилистическая функция едва ли сформируется в данной форме. Так, в высказывании *Ils arrivaient au Conseil d'Etat* [4, 184], лексема *arrivaient* в изолированном виде будет восприниматься, скорее всего, в своем ближайшем значении как носитель длительного незавершенного действия (*Они подъезжали к Государственному Совету*). И только на фоне ситуативного единства, слагающегося из двух событийных фокусов: один принимает форму *imparfait*, а другой облекается в целую серию последовательных однократных действий² (*M. Martin fit monter le prêtre dans son cabinet, lui offrit un siège, l'installa devant le feu, puis pris place lui-même... et se mit à écrire*) [4, 184], сложившаяся ситуация получает конкретное толкование: имперфект первого предложения, ситуативно неотделимый от последующей серии одноактных законченных действий, получает грамматическое значение, идентичное этим последним (*Они прибыли в Государственный Совет*), пройдя через назначение – быть носителем стилистической функции, которая, при отсутствии упомянутых условий, формой имперфекта утрачивается.

Ввиду того обстоятельства, что стилистическое употребление имперфекта встречается далеко не у всех французских авторов и представляет собой довольно редкое явление даже в глагольной системе французского языка, мы, конечно же, не можем установить всех случаев соответствия формы *imparfait stylistique* эквивалентным конструкциям русского и осетинского языков. Однако тот материал, которым мы располагаем, дает основание с полным правом утверждать, что ни в русском, ни в осетинском языках подобное употребление имперфекта недопустимо и эквивалентом *imparfait stylistique* становится в них грамматема СВ. Правда, в отдельных случаях в обеих лингвосистемах (и в русской, и в осетинской) возможно встретить отдельные эпизоды употребления НСВ, который

² В форме *passé simple*.

функционально, пожалуй, приближается к французскому стилистическому имперфекту. Однако подобные употребления в них настолько редки, что они воспринимаются скорее в виде некоего раритета, которым практически можно пренебречь как явлением, не имеющим прочной закреплённости в языковом узусе.

При изучении лексико-синтаксических компонентов периферии ФСП аспектуальности, в частности, слов аспектуальной семантики, а также семантического статуса подлежащих и дополнений, употребляющихся при видовой форме, была установлена большая значимость этих последних (для выражения аспектуальных значений) во французском языке по сравнению с их эквивалентами в русской и в осетинской языковых системах. Вместе с тем, наблюдения над дискурсивной актуализацией упомянутых элементов показали, что в некоторых ситуациях осетинский язык оказывается функционально ближе к системе французского языка. И проявляется такого рода аналогия, в частности, в следующем. В осетинском языке, как и во французском, ряд внешних временных ограничителей действия, наполненных значением длительности, типа *pendant deux jours, tout le jour, quelques minutes, trois mois, jusqu'à*, *авд азы, бон-изæрмæ, æртæ бонмæ*, оказываются определяющими для выражения целостного, а при предельных глаголах и завершённого действия. Целостность же действия в русской лингвосистеме, как известно, связана прежде всего с тем, как и когда процесс достигает своего внутреннего предела. Иначе говоря, в русском языке если речь идет о предельном действии, то имеется в виду его преимущественная направленность на некую внутреннюю точку. «Соприкосновение» с нею сигнализирует достижение действием своей предельности. В ситуации, когда «соприкосновение» с внутренней точкой оказывается нереальным, ничего не остается, как квалифицировать такое действие непредельным (см.: [5, 10-18]). Этим и объясняется употребление в такого рода контекстах форм перфекта во

французском и осетинском языках¹ и форм имперфекта в русском. Сравним: *Pendant deux jours, il s'occupe de son installation...* [7, 91]. – *В течение двух дней он устраивался на новом месте...* [7, 109]; *Pendant trois jours, les jeunes Nartes se préparèrent* (63). – *Уæд Нарты фæсивæд ныххæррæтт кодтой æмæ æртæ бонмæ æфсад сцæттæ кодтой* [8, 69].

Открывается удивительная картина, где наблюдается сближение языков (французского и осетинского), не имеющих ни непосредственных контактов, ни достаточно близкого генетического родства. А вот русский и осетинский языки, которые в течение почти пятнадцати веков связаны тесными территориально-экономическими и культурными отношениями, оказались явно дифференцированными, хотя, в силу упомянутых обстоятельств, располагали реальной возможностью сформировать ряд грамматических изоглосс аспектуальной природы, будучи языками ярко выраженной синтетической организации.

Вместе с тем, проецируя ситуацию, когда во французской лингвосистеме внешними временными ограничителями выступают обстоятельственные маркеры иной семантической направленности, на материал русского и осетинского языков обнаруживаем функциональную равнозначность французского PS и СВ в русской и осетинской языковых системах. Речь идет, в частности, о маркерах типа 1) *à ce moment, quelques jours après, à quatre heures, в этот момент, в четыре часа, несколько дней спустя, ацы тæккæ рæстæг, райсомы цыттар сахатыл. цалдæр боны фæстæ* и др., указывающих на момент прекращения процесса, когда во всех трех лингвосистемах глагольная форма наполняется смыслом полной исчерпанности действия. При этом на первый план выходит значение однократности действия, а при предельных глаголах – его завершённость; 2) *tout à coup*,

¹ Ю. С. Маслов замечал по этому поводу, что употребление аориста с сирконстантами ограниченной длительности свойственно всем языкам, в которых он (аорист) встречается (см.: [6, 35-36]).

soudain, aussitôt, brusquement, вдруг, тотчас же, неожиданно, внезапно, мгновенно, вмиг, уайтагъд и др., представляющих действие как однократное и мгновенное. Впрочем, к упомянутым сирконстантам чаще всего прибегает французский язык. Русский ими пользуется гораздо реже. Осетинский же их, как правило, и вовсе опускает.

Исследуемый материал вскрыл весьма существенную особенность французской языковой системы, ставящую ее несколько особняком и значительно дистанцирующую от русского и осетинского языков. Имеется в виду способность французской глагольной лексики облекаться в форму PS даже при условии, если глагол сопровождается грамматическими маркерами со значением частотности типа *plusieurs fois, à plusieurs reprises, souvent, régulièrement, beaucoup de fois* и др. При такого рода обстоятельствах целостность французского перфекта оказывается членимой, распадающейся на серию однородных повторяющихся актов [9, 144]. Русский и осетинский языки в сочетании с упомянутыми сирконстантами охотнее всего обращаются к граммеме НСВ, когда внимание реципиента фокусируется на самом действии и на его протекании в рамках установленных временных границ. Сравним: *Il se tourna vers lui plusieurs fois* [10, 27]. – Он несколько раз к нему оборачивался... [10, 7]; *Plusieurs fois ... ils tirèrent du mieux qu'ils purent, sans réussir à le blesser* [8:95]. – Алы бон дæр æй æхстой, фæлæ йын фæцæф кæнынæн ницы фæрæзтой [8, 104].

Обработанная картотека дает основание констатировать, что по признаку морфологизма видовой категории все три лингвокультуры обнаруживают определенную сумму межъязыковых коллизий (сходств и различий). Интегрирующей силой, сближающей все три языка, становятся приставочные глаголы движения, когда префиксы помогают уточнить лишь направление движения, поскольку сам характер движения определен уже исходной словоформой. При этом, если для русской, равно как и для осетинской, лингвокультуры такие глаголы, которые позволяют судить в рав-

ной степени и о характере, и о направлении движения, фиксируются в системах этих языков как явление исключительной частотности, то в словарном составе французского языка количество таких глаголов оказывается самым скудным¹. Сравним:... *elles s'envolèrent un soir...* [11, 266] – однажды вечером они улетели [11, 165]; *Æрхаста Сослан Хуры чызг Ацырухсы йæхицæн усæн* [8, 139]. – *Soslan épousa et emmena Atsyruhs, la fille du soleil* [8, 134].

Аналогичное сближение исследуемых лингвосистем обнаруживаем и при разборе повторяющегося способа действия (СД), когда в создании искомого видového значения во всех трех языках принимают участие грамматические маркеры равнозначной семантической интенции (*parfois, quelquefois, à chaque pas, каждый раз, на каждом шагу, изо дня в день, алы бон, алы хатт* и др.). В то же время, при наложении французского текстового материала на факты русского и осетинского языков обнаруживаем, что для выражения упомянутого аспектуального смысла французский язык (вопреки преимущественно аналитическому устройству) прибегает достаточно часто к морфологически характеризованному СД (речь идет о лексемах с формантом *re-*). Ни русский, ни осетинский языки, несмотря на флективность строя, не располагают аналогичной возможностью выражать морфологически аспектуальный смысл повторяемости действия.

Определенные межъязыковые параллели между русской и осетинской лингвосистемами проявляются также и при формировании повторяющегося СД посредством семантически специализированных (количественных) наречий, успешно выполняющих функцию носителей аспектуального значения повторяющегося действия, в со-

¹ Французские глаголы движения распадаются, как известно, на две группы. В первую включаются те из них, которые призваны описывать характер движения: *marcher, courir, nager, sauter, rouler*. Глаголы второй группы определяют направление движения, не заботясь об уточнении его характера: *entrer, aller, venir, monter, s'éloigner* (см.: [12, 657]).

четании с существительными, имеющими в своей семантике указание на временную протяженность процесса. Сравним: *Поэт бирæ азты фæтæлмац кодта Омар Хайямы рубаитаæ...* [13] – *В течение многих лет поэт переводил рубаи Омара Хайяма...* – *Le poète traduisait pendant des années les roubaïs d'Omar Haïyam...* Нетрудно заметить, что французский язык в этой ситуации стоит несколько особняком, где аналогичные аспектуальные характеристики инкорпорируются в высказывание посредством существительных соответствующей семантики в совокупности с неопределенным артиклем множественного числа *des* (см. [14, 24]).

Особого упоминания требует дистрибутивный (распределительный) СД, который во всех трех языках возникает при множественности объектов или субъектов действия, что, безусловно, интегрирует сопоставляемые лингвокультуры в некое единство. В то же время, в русском и осетинском языках (в отличие от французского) упомянутый аспектуальный потенциал вполне успешно реализуется (помимо обозначенного способа выражения) и посредством морфологических составляющих. При этом обращает на себя внимание следующее. Морфологические средства, формирующие дистрибутивный СД в русской лингвокультуре, представлены гораздо более разнообразно, чем в осетинской. Так, в русском языке при оформлении упомянутого СД прибегают к формантам *по-* и *пере-* (в некоторых случаях оказывается допустимым употребление обеих приставок одновременно в рамках одной глагольной лексики: *Все животные в зоопарке попередохли; Все яблони за зиму поперемерзли*¹), а также *раз-* и *о-* (об) (*раздарить/раздаривать, раскрасть/раскрадывать, раскупить/раскупать опросить/опрашивать, обойти/обходить, обшить/обшивать*)². Осетинский

¹ Примеры заимствованы (см.: [15, 124]).

² А.В. Бондарко определяет анализируемый СД более детально, именуя его дистрибутивно-суммарным и выдвигая на первый план постепенный охват результативным действием всех объектов, на которые оно направлено, или субъектов, от которых оно исходит [16, 75-76].

язык для выражения дистрибутивности использует префикс *ра-*: *Равæрдтой фынгт æмæ нæрт куывды бадыц Уырызмаеджы хæдзары – Расставили столы и сидят на рты на пиру в доме Уырызмага* [17, 341].

При наложении французских приставочных глаголов 1) с префиксом *de-*, сигнализирующим об их способности стать в позицию антонима по отношению к базовым коррелятам (напр.: *riquer- протрачивать, стегать, простегивать (иглой) – dériquer- распарывать строчку, стежку* и др.) и 2) с префиксом *entre-* (*s'*), отягощенного значением интенсивности действия в варианте неполноты этого последнего (напр.: *entra-percevoir (entr'apercevoir) – едва заметить, увидать мимоходом; entrefermer – прикрыть; entrevoir – видеть мельком, смутно предвидеть* и др.) на материал русского и осетинского языков, также наблюдаем некоторую дифференциацию французской лингвокультуры и интеграцию в некое подобие союза русской и осетинской языковых систем. Аналогами упомянутых морфологических средств, порождающих видовой функции в русском и осетинском языках, становятся либо сходные префиксальные образования, либо лексико-грамматические конструкции. Что касается значения взаимонаправленного действия, присущего французскому префиксу *entre-* (*s'*), то его формальным аналогом в русском языке становится тавтологически построенное сочетание «*друг друга*», а в осетинском – местоименное наречие *кæрæдзийы*. Сравним: *entre-détruire (s') – истреблять, уничтожать друг друга – кæрæдзийы ныцæгъдын, фесафын, скуынаг (бабын) кæнын; entre-égorger, entr'égorger, entregorger (s') – убивать, резать друг друга – кæрæдзийы амарын*.

Факты сопоставляемых языков, бесспорно, свидетельствует в пользу того, что глагольная система французского языка располагает определенными возможностями выражать ряд аспектуальных смыслов уже на лексикографическом уровне. Тем не менее, сопоставление видовых категорий трех лингвосистем высвечивает достаточное зримо одно из их основных отличий.

Имеется в виду тот факт, что французская языковая культура располагает на уровне системы лишь небольшим количеством готовых аспектуальных средств, ставя, таким образом, французский *вид* в условия жесткой необходимости усложнять дискурсивную стратегию в целях максимального воспроизведения в конкретной аспектуальной ситуации всех ее оттенков. Актуализация последних достигается во французском языке в большинстве случаев посредством временных форм, временных указателей или фоновой информации в целом. Напротив, русский глагол является прочным носителем определенного аспектуального значения уже на уровне языка. Вот почему его «внутреннее время» уже включает в себя какое-либо частное видовое значение и глагол более «изолирован» в своей категориальной отнесенности. Что касается осетинского языка, то замечена достаточно высокая степень присутствия в нем лексических маркеров, функционирующих наравне с флексиями. Это обстоятельство еще раз подтверждает бытующее мнение о том, что в осетинской лингвосистеме флективный строй осложнен (добавим, в гораздо большей степени чем русский) аналитическими составляющими, что, безусловно, свидетельствует о его сложном грамматическом устройстве [18, 44].

Сложившееся положение достаточно наглядно можно проиллюстрировать и на примере прерывисто-смягчительного СД, когда осетинский язык, как и французский, 1) либо вовсе не дифференцирует упомянутого СД¹: *futer* (покуривать²) – *дымын*;

¹ Из анализируемых нами глаголов лишь в глагольной лексеме *сгæпп кæнын* (подпрыгивать) приставка *с-* способствует выражению того же прерывисто-смягчительного СД что и в русском языке, а итеративность заложена уже в самой глагольной лексеме *гæпп кæнын* (прыгать).

² Формальным показателем смягчительного СД в русском языке основными характеристиками которого выступают прерывистость, неполнота действия, нерегулярная кратность, выступают приставка *по-* и итеративный суффикс *-ива-/-ыва-, ва-* [16, 84].

reigner (почесывать волосы) – *фасын*; *tousser* (покашливать) – *хуыфын*; *frapper* (похлопывать) – *цавын*; *siffler* (посвистывать) – *ниуын* и т.д.; 2) либо интерпретирует его описательно, посредством инфинитивной конструкции, содержащей в своей семантике указание на совершаемое действие в совокупности с вспомогательным глаголом *кæнын* (делать): *постукивать* – *къуырицкъуыриц (гуыпп-гуыпп) кæнын*; *похрапывать* – *хуыр-хуыр кæнын*; *похварывать* – *рынчын кæнын*; *похлопывать* – *тъæпп (къæриц) кæнын*; *посвистывать* – *æхситт (къуыззит) кæнын* и т.д.

Смягчительность в осетинской языковой системе формируется также, как известно, при помощи грамматических маркеров *сабыргай*, *сындаггай* (сравним с французским *légèrement*), а может и вовсе иметь нулевой эквивалент, когда значение смягчительности остается без материального выражения. Так, если допустимо сказать *узын сабыргай* – *покачивать* (*тихонько, понемногу*), то формы *сæйын*, *на фæразын сабыргай* – *похварывать* (*тихонько, понемногу*) получают категорический узуальный запрет со стороны литературной нормы и хорошо воспитанного языкового чувства. Вместе с тем, необходимо обязательно уточнить, что в русском языке все перечисленные слова способны приобретать самые разные контекстуальные смыслы видового порядка, а в осетинском, напротив, аналогичные значения видовой категории не располагают специальной грамматической формой, переходя, таким образом, из категории формообразующей, в категорию словообразовательную, отдавая каждый раз все варианты видовой функции информативно соответствующим лексическим единицам. Сравним: *качать колыбель* – *авдæн узын*, *качать головой* – *сæр тилын*, *качать воду* – *дон тæрын*, *зуб качается* – *дæндаг æнкъуысы*; *хлопать дверьми* – *дуар гуыпп кæнын*, *хлопать в ладоши* – *æмдзæгъд кæнын*, *хлопать кого-либо по плечу* – *искай уæхск цавын*; *паровоз свистит* – *паровоз æхситт кæны*, *ветер свистит* – *уат ниуы*.

Подытоживая изложенное, можно за-

ключить, что сопоставление привлеченных к анализу лингвосистем по признаку аспектуальной значимости периферийных компонентов ФСП аспектуальности на конкретно слагающиеся категориальные значения формального выражения вида, дает основание утверждать, что однозначного соотношения между тремя языками не наблюдается: в одних случаях французский язык оказывается ближе русской языковой системе, в других – осетинской или же и вовсе стоит особняком в силу своего преимущественно аналитическо-

го устройства. Вместе с тем, в ряде случаев прослеживается также и абсолютная идентичность исследуемых языков в плане того семантического взаимодействия, которое свойственно ядру и периферии ФСП аспектуальности и которое существенно меняет инвариантную оппозицию *целостности/процессности* на множество других семантических смыслов, проявляющихся в конкретной дискурсивной актуализации видовой формы.

1. Гак В. Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. С. 5-17.
2. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
3. Храковский В. С. Некоторые проблемы универсально-типологической характеристики аспектуальных значений // Аспектуальность и средства ее выражения: Вопросы русской аспектологии. Ученые записки Тартуского госуниверситета. Тарту, 1980. Вып. V. № 537. С. 3-24.
4. Maupassant G. de. Petit fût. Contes. P. 247-252. (Мопассан Ги де. Бочонок. Собр. соч. Т. 3. С. 41-46. Пер. А. Худадовой.)
5. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
6. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978. Вып. 1. С. 4-44.
7. Maupassant G. de. Bel-Ami. М., 1981. (Мопассан Ги де. Милый друг. Собр. соч. Т. 4. С. 5-322. Пер. Н. Любимова.)
8. Нарты кадджытæ. Орджоникидзе, 1975. (Le livre des Héros. Légendes sur les Nartes. Paris, 1965. Traduit de l'ossète par G. Dumézil).
9. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М., 2006.
10. Flaubert G. L'éducation sentimentale. Paris, 1965. (Флобер Г. Воспитание чувств. Собр. соч. в 4-х т. М., 1971. Т. 3. Пер. А. Федорова).
11. Flaubert G. Salambo. М., 1978. (Флобер Г. Саламбо. Собр. соч. в 4-х т. М., 1971. Т. 2. Пер. Н. Минского).
12. Gak V.G. Quelques particularités du russe par rapport au français // Petit dictionnaire pratique français-russe. М., 1978. P. 641-668.
13. Черчесты Х. Дзасохты Музаферыл сæххæст 75 азы // Рæстдзинад, 2012. № 2.
14. Кузнецова И. Н. Сопоставительная грамматика французского и русского языков. М., 2009.
15. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
16. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис 2-е изд./Отв. ред. А. В. Бондарко. М., 2001.
17. Цаболов Р. Л. К истории осетинских превербов // Известия Северо-Осетинского НИИ. Орджоникидзе, 1957. Т. 19. С. 319-353.
18. Козырева Т. З. О категории залога в осетинском языке // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1959. Т. 21. Вып. 4. С. 37-44.